

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.3>

Безбородникова Екатерина Борисовна

**ВОСПОМИНАНИЯ Г. В. АДАМОВИЧА ОБ А. А. АХМАТОВОЙ В КОНТЕКСТЕ ЕГО
МЕМУАРИСТИКИ**

В настоящей статье исследуются художественные особенности воспоминаний Георгия Адамовича об Анне Ахматовой. В работе рассматривается мемуарный очерк "Мои встречи с Анной Ахматовой", а также мемуарные фрагменты о поэтессе в очерке "Гумилев (к предстоящему десятилетию со дня его расстрела)" и статье "Анна Ахматова". Особое внимание обращается на цитирование и экфрасис в воспоминаниях. В ходе исследования было обнаружено, что Ахматова - единственный герой воспоминаний Адамовича, для изображения которого автор отправляет к портретам известных художников. Проведенный анализ показал, что Адамович обращался к произведениям изобразительного искусства для передачи невыразимого в образе поэтессы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 17-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 19.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.3>

В настоящей статье исследуются художественные особенности воспоминаний Георгия Адамовича об Анне Ахматовой. В работе рассматривается мемуарный очерк «Мои встречи с Анной Ахматовой», а также мемуарные фрагменты о поэессе в очерке «Гумилев (к предстоящему десятилетию со дня его расстрела)» и статье «Анна Ахматова». Особое внимание обращается на цитирование и экфрасис в воспоминаниях. В ходе исследования было обнаружено, что Ахматова – единственный герой воспоминаний Адамовича, для изображения которого автор отсылает к портретам известных художников. Проведенный анализ показал, что Адамович обращался к произведениям изобразительного искусства для передачи невыразимого в образе поэтессы.

Ключевые слова и фразы: Адамович; Ахматова; мемуары; цитирование; реминисценция; экфрасис.

Безбородникова Екатерина Борисовна

*Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва
bezborodnikova@gmail.com*

ВОСПОМИНАНИЯ Г. В. АДАМОВИЧА ОБ А. А. АХМАТОВОЙ В КОНТЕКСТЕ ЕГО МЕМУАРИСТИКИ

Мемуаристика Георгия Викторовича Адамовича – самая неизученная часть его литературного наследия. Современники и исследователи многократно обращали внимание на «Комментарии», поэзию и критику этого автора. Литературовед О. А. Коростелев собрал библиографический указатель всех работ об Адамовиче [10]. Обширный список показывает, что воспоминания Адамовича остались в тени исследований. Одна из возможных причин такого «обхода» состоит в «рассыпанности» воспоминаний по всему творчеству Адамовича. Тем не менее мемуаристика составляет важную часть наследия Г. В. Адамовича, ее научное освещение является **актуальной** задачей литературоведения.

Настоящая работа входит в состав диссертационного исследования, которое имеет своей целью обобщающий, комплексный анализ этой мемуаристики. Она посвящена воспоминаниям Георгия Адамовича об Анне Андреевне Ахматовой, где особое место занимает мемуарный очерк «Мои встречи с Анной Ахматовой».

Статья стоит в ряду первых попыток исследовать эту сторону творчества известнейшего автора. До нынешнего времени публикации Адамовича об Ахматовой никем специально не рассматривались, мемуарное наследие критика, посвященное поэессе, оставалось неисследованным. В этом состоит **научная новизна** работы.

В статье ставятся взаимосвязанные **цели и задачи**: исследовать историко-литературную ситуацию появления в печати воспоминаний об Ахматовой, рассмотреть воспоминания о поэессе в контексте мемуарного творчества Адамовича и охарактеризовать художественные особенности при создании образа поэтессы.

В одном из своих стихотворений Георгий Адамович писал: «И то, что забыла Россия, / Тогда воспоминается мне» [7, с. 79]. Стихотворение было создано еще в предреволюционное время и посвящалось Петербургу. В этих строчках содержатся два важных мотива творчества Адамовича. Первый из них – это тема памяти, обращение к воспоминаниям присутствует и в стихах поэта, и в критике, и «Комментариях» – во всем его творчестве. Второй мотив – «петербургский», большая часть воспоминаний относится к петербургскому периоду.

Возникновение «образа» Петербурга в работах эмигрантского критика исследовательница О. Фетисенко видела в связи творчества Адамовича с «петербургской культурой»: «К теме прошлого он обращался с тем, чтобы объяснить нечто, уже исчезнувшего ко времени создания разбираемого в рецензии или статье текста. <...> Прошлое у Адамовича, как и у большинства эмигрантов первой волны, – особое, им можно было жить десятилетиями, да еще и другие этим прошлым питались... Ему посчастливилось жить в Петербурге 1910-х годов. Поэтому даже в маленьких рецензиях Адамовича фоном и подтекстом служит петербургская культура» [19, с. 109].

О роли дореволюционной столицы во всем творчестве Адамовича писал В. Крейд: «При всем своем многописании Адамович оставался писателем лишь немногих выстраданных и продуманных тем, одна из которых – петербургская, и она в конечном итоге легла в основу знаменитой “парижской ноты”. Как писателя его связывало с Петербургом все самое главное. Гимназистом он видел там Анненского. Полюбил его трагическую музу. Открыл для себя Блока, который навсегда стал для него выразителем поколения, сложившегося между двух революций. В Петербурге Адамович вступил в Цех поэтов, дружил с акмеистами, печатался в “Аполлоне” и других журналах и альманахах» [15, с. 6].

О том, что Петербург у Адамовича проявляется не только в упоминаниях, но и в стиле, писал Федякин: «Потому и заразителен оказался “литературный аскетизм” Адамовича, что на нем лежала печать Петербурга. “На земле была одна столица...” – не просто восклицание, а именно утверждение столичности, имперской строгости во всем, вплоть до каждой запятой, до вовремя поставленной точки» [18, с. 14].

Как было сказано выше, воспоминания присутствуют во всем творчестве автора. Причудлива и необычна жанровая форма воспоминаний первого критика эмиграции, как назвал Адамовича И. А. Бунин [11, с. 679]. Очень часто воспоминания появлялись в литературной критике в виде фрагментов. Почти в каждом своем отклике на то или иное литературное событие, даже в рецензиях, как заметила исследовательница О. Л. Фетисенко [19, с. 106-109], Адамович оставлял «микромемуары».

Были у Адамовича и очерки о писателях. С. Р. Федякин показал, что как критика содержала мемуарный текст, так и «чисто мемуарный очерк» сопровождался литературно-критическими размышлениями [18, с. 7].

Такое переплетение и взаимопроникновение мемуарного и критического начала объясняется тем, что Адамовича-критика и Адамовича-мемуариста интересовало одно – «глубинная сущность писателей», по выражению О. А. Коростелева [14, с. 15]. Адамович искал уникальные черты, свойственные и самому поэту, и его творчеству. В творчестве он видел не только связь с культурой, с произведениями, созданными до него, а через них с великими творцами, но и «залог бессмертия». Лучше всего выразил это Адамович, когда писал о Некрасове: «Был страстным охотником, еще более страстным картежником, был крепким, ловким, удачливым русским человеком. Но это – оболочка, это – черты временные, и время, хотим мы того или не хотим, давно уже стерло их. А под ними – лицо поэта, родословная которого восходит к самому Данте: у него тоже рай и ад, грех и воздаяние – единственная истинная тема творчества. Даже не тема, а его сущность, его душа и плоть» [4, с. 8].

Все эти особенности не могли не проявиться и в воспоминаниях Адамовича об Анне Ахматовой.

Среди героев воспоминаний первого критика эмиграции Ахматова занимает особое место. Мемуарных очерков, т.е. собственно воспоминаний, у Адамовича было немного. Если говорить о писателях, то наиболее значительными, подробно освещенными «персонажами» будут только трое: Н. С. Гумилев [2; 3], И. А. Бунин [1] и А. А. Ахматова [5]. И как все эти работы, очерк «Мои встречи с Анной Ахматовой» писался на случай.

Создание этого очерка имеет свою историю. Пятый номер альманаха «Воздушные пути» должен был выйти в 1967 году, в год пятидесятилетия революции. Главный редактор, Р. Н. Гринберг, 29 декабря 1966 года обратился к Адамовичу с просьбой написать что-нибудь связанное с этой датой на выбор самого автора: «... что Вы хотите печатать, что Вам кажется “самым главным”, что случилось с “глухонемой страной”» [17, с. 417].

Адамович ответил 6 января 1967 года: «Относительно “Возд<ушных> путей” и пятидесятилетия революции: я понимаю Ваше желание, чтобы 5-й № был откликом на все тогда случившееся. Но лично мне трудно собрать мысли по этому поводу. <...> Могу написать воспоминания об Ахматовой за полвека (и даже больше) знакомства. Но едва ли это Вам подойдет» [Там же].

Издатель поспешил заверить автора, что воспоминания об Анне Ахматовой очень нужны, и советовал приниматься за них как можно скорее. Адамович выполнил просьбу Гринберга, прислал ему законченный очерк 26 апреля. Законченная работа была принята одобрительно: «Ваша статья во многих отношениях получилась замечательной. Те, кто любит АА, будут счастливы» [Там же, с. 420].

Редакторских правок над текстом не было, хотя Гринберг, прочитав, заметил Адамовичу, что номер телефона был передан Ахматовой вовсе не дочерью С. О. Добрини, как было написано в воспоминаниях: «Кстати, номер Вашего телефона АА дал я» [Там же]. Очерк вышел в печать без изменений.

Но поводом к созданию мемуарного очерка послужило не только 50-летие революции. Анна Андреевна ушла из жизни 5 марта 1966 г. В альманахе «Воздушные пути» она воспринималась как «один из первых поэтов России» [9, с. 3]. Ее печатали в каждом номере: две редакции «Поэмы без героя», ее стихи и воспоминания. Адамович, как постоянный автор «Воздушных путей», написал мемуарный очерк для номера, вышедшего после ее смерти.

Воспоминания получились подробными. Адамович описал встречи за долгий период знакомства, до революции и после – мемуарист виделся с Ахматовой, когда она была в Париже после получения степени почетного доктора в Оксфордском университете.

До этого очерка воспоминания об Ахматовой у Адамовича носили фрагментарный характер: в мемуарном очерке «Гумилев (к предстоящему десятилетию со дня его расстрела)» (1931), в критической статье «Анна Ахматова» (1934).

В очерке 1931 года Ахматова по неизбежности становилась «второстепенным героем». Но все же в эпизодах, где оба поэта появлялись рядом, образ Ахматовой выступал на первый план, он как бы заслонял собою Гумилева. Описывая свое знакомство с этой четой, Адамович говорит о первом впечатлении, где рисует облик Ахматовой, и при этом Адамович словно бы «забывает» о Гумилеве.

В другом эпизоде, где изображен прием у Гумилевых, сам Николай Степанович в комнате отсутствует. Слышен только его голос из другой комнаты, где он молодому поэту советовал начинать свой день, как он:

«Я встаю в восемь часов. От девяти до половины одиннадцатого я пишу стихи, потом я читаю Гомера. Без пяти одиннадцать я беру ледяную ванну и сразу принимаюсь за работу над историей Ганнибала. Как только подадут завтрак...» [8, с. 30].

Изображена реакция Ахматовой на эти слова: «Ахматова вслушивается, пожимает плечами, усмехается» [Там же]. Подробностей, которые могли бы раскрыть её «глубинную сущность», в очерке мы не найдем: десятилетие со дня смерти Гумилева заставляло автора писать больше о «главном герое» этого очерка.

В работах, посвященных непосредственно Ахматовой, Адамович приближается к «самому главному» в её облике и её творчестве. В статье 1934 года он только обозначил эту черту: «Трагизм и скрытое тайное величие своих стихов Ахматова, вероятно, чувствовала сама» [6, с. 21].

В мемуарном очерке, который увидел свет в «Воздушных путях», Адамович развивает собственное впечатление от Ахматовой, от её поэзии, и находит особый образ для его выражения:

«Позднее в ее наружности отчетливее обозначился оттенок трагический: Рашель в “Федре”, как в известном восьмистишии сказал Осип Мандельштам...» [8, с. 99].

Адамович вспоминает стихотворение О. Мандельштама «Ахматова» (1914): «Зловещий голос – горький хмель – / Души расковывает недра: / Так – негодующая Федра – / Стояла некогда Рашель» [16, с. 73].

Надо заметить, что цитирование было одним из любимых приемов Г. В. Адамовича и в поэзии (исследователь О. А. Коростелев отмечал ее черту: «ярко выраженная цитатность» [13, с. 20]), и в критике, и в воспоминаниях. В статьи, рецензии, заметки, мемуары Адамович вставлял цитаты, чаще – неточные, поскольку приводил их на память. Благодаря мелким неточностям чужая речь «бесшовно» входила в его текст, усиливая нужные критике ассоциации.

Здесь критик взял за основу чужой образ – «Федру» из стихотворения О. Э. Мандельштама. Первое упоминание, или, точнее, воспоминание о стихотворении, появилось в виде намеренно неточной цитаты, приведенной выше («Рашель в “Федре”»). Но этим мемуарист не ограничивается. Он далее от мандельштамовского сравнения оставляет только «Федру»: «Правда, когда, наконец, попросили и ее прочесть что-нибудь, она сразу изменилась, как будто даже побледнела: в “насмешнице”, в “царскосельской веселой грешнице”... мелькнула будущая Федра» [8, с. 99].

Повтор имени «Федры» соединяет в себе отсылки и к древнегреческому мифу, и к стихотворению Мандельштама, а через него – к пьесе Расина. То есть и само сравнение Ахматовой с Федрой – с расширением контекста – воздействует на восприятие образа героини очерка Адамовича. Ахматова уже не просто современница, но поэт, которого незримые нити связывают с европейской культурой и тысячелетиями существования поэтического слова. Вспомним, как в приведенной выше цитате Адамович соединял Некрасова в «поэтической родословной» с Данте.

Когда Адамович писал о значимом для него писателе, то его, как правило, не особенно занимала внешность. Вероятно, для него это относилось к «временным» чертам. Если и обращал внимание на внешность, то важны были только наиболее характерные черты. Так, в описании Иннокентия Анненского он запечатлел «прядь серебристых мягких волос, спадавшую на лоб как-то по-“артистически”, будто у какого-нибудь знаменитого музыканта» [Там же, с. 22]. Адамович увидел Анненского, будучи гимназистом. И «артистический штрих» мало вязался с образом проверяющего инспектора, кем являлся в ту минуту Анненский.

В воспоминаниях об Ахматовой – в этом особенность её образа у Адамовича – внешности придается большое значение.

В очерке «Гумилев» читаем:

«...Гумилев явился вместе с женой своей, Анной Ахматовой, выпустившей в тот год сборник стихов “Вечер”».

И его и ее я видел впервые. Помню, меня поразила Ахматова *необычайнейшей своей внешней прелестью: эту женщину, в сущности, нельзя было назвать красивой, но у нее было что-то большее, чем красота. Известный альтмановский портрет чудесно передает это “нечто”, к сожалению, только, он сделан позднее тех лет, о которых я вспоминаю* [Там же, с. 28].

В статье «Анна Ахматова» упоминаемый фрагмент небольшой, но и в нем есть описание внешности:

«Трагизм и скрытое тайное величье своих стихов Ахматова, вероятно, чувствовала сама. <...> Трагизм чувствовали и все, глядевшие на нее, – на этот *ее необычайный облик, с открытыми, угловатыми плечами, неизменной “ложно-классической” шалью, влачащейся по полу, горькой складкой у рта и взглядом, так удивительно верно переданным в известном анненковском рисунке*» [6, с. 21].

В «Моих встречах...» – ещё одно описание:

«Передо мной была Ахматова... как будто более уверенная в себе и в своих суждениях, моментами даже с оттенком какой-то властности в словах и жестах. Я вспомнил то, что слышал незадолго перед тем от одного из приезжавших в Париж советских писателей: “Где бы Ахматова ни была, она всюду – королева”. *В осанке ее действительно появилась что-то королевское, похожее на серовский портрет Ермоловой*» [8, с. 104].

Как можно заметить, описание внешности во всех трех работах связано с упоминанием картин: «Портрет Анны Андреевны Ахматовой» Н. И. Альтмана (1914) в очерке «Гумилев...», в статье «Анна Ахматова» – набросок Ю. Анненкова (1921), в «Моих встречах с Анной Ахматовой» – «Мария Николаевна Ермолова» В. А. Серова (1905). Это настойчивое обращение к живописи, этот экфрасис заставляют вспомнить о важной особенности: «экфрасис переводит в слово не объект... а восприятие объекта...» [20, с. 10].

Адамович, если перефразировать это положение, не буквально описывает картины, но вспоминает их, точно так же, как вспоминает цитаты.

В первом очерке мемуарист для характеристики портрета ограничивается эпитетом «известный». Работа Альтмана, конечно, была известна, но, кроме этого, был известен и экфрасис этой картины в «Петербургских зимах»: «Цвет едкого купороса, злой звон меди. – Это фон картины Альтмана. На этом фоне женщина – очень тонкая, высокая и бледная. Ключицы резко выдаются. Черная, точно лакированная, челка закрывает лоб до бровей. Смугло-бледные щеки, бледно-красный рот. Тонкие ноздри просвечивают. Глаза, обведенные кругами, смотрят холодно и неподвижно – точно не видят окружающего» [12, с. 57]. Адамович не описывает картину, но контекст, в котором она возникает, задает нужное её восприятие: в картине Альтмана читателю предлагается отыскать «большее, чем красоту» героини.

В статье «Анна Ахматова» мемуарист уже конкретизирует описание внешности: «горькая складка у рта и взгляд» – именно это заставляет его вспомнить анненковский рисунок.

В мемуарном очерке Г. В. Адамович пытается передать впечатление об изменившемся облике Ахматовой, и здесь экфрасис обретает новые черты: живая Ахматова напомнила не её некогда написанные портреты, новый образ Анны Андреевны сближен с портретом Ермоловой кисти Валентина Серова.

Ахматова – единственный герой мемуаристики Адамовича, который заставил его обращаться к образам живописным. Характерно при этом, что упоминание картин при изображении внешности героини содержится в каждой из упомянутых работ.

В творчестве на протяжении всей жизни Адамович обращался к воспоминаниям, хотя делал это нерегулярно и часто – по случаю.

«Мои встречи с Анной Ахматовой» занимают особое место в мемуаристике Адамовича, так как в очерке подробно раскрыт образ поэтессы. Здесь мы обнаруживаем все характерные особенности мемуаристики Адамовича: внимание к «глубинной сущности» героя мемуаров, цитатность, заметная и в его мемуаристике, и в критике жанровая свобода. Вместе с тем только образ Ахматовой заставил обратиться к экфрасису, причем не только в этом большом очерке, но и во всех его мемуарах, где он обращался к образу Анны Андреевны.

Эта особенность позволяет отчетливее увидеть важную черту Адамовича-мемуариста. В своих «Комментариях», рассуждая о конце литературы, об ответственности писателя, о том, что писательская честность заставляет отказываться от любых украшений и неточностей, от всего лишнего, Адамович отсылает к образу «непоправимо белой страницы» из стихотворения Ахматовой «Вечерние часы перед столом...». Несомненно, в образе самой Ахматовой для него всегда оставалось нечто, не передаваемое словами. Эту невыразимость, эту «непоправимо белую страницу» в воспоминаниях он и попытался закрыть отсылками к живописным портретам. Где бессильно слово – может сказать живопись, точнее – живое воспоминание о ней.

Вместе с тем эти отсылки говорят и о том, что известное требование Адамовича – о главном лучше умолчать – иной раз могло обретать неожиданные формы (в данном случае – экфрасис), оставаясь при этом в глубинных своих основах незыблемым.

Список источников

1. Адамович Г. В. Бунин // Новый журнал. 1971. № 105. С. 115-137.
2. Адамович Г. В. Гумилев (к предстоящему десятилетию со дня его расстрела) // Иллюстрированная Россия. 1931. 13 июня.
3. Адамович Г. В. Гумилев (1921-1971) // Новое русское слово. 1971. 5 сентября.
4. Адамович Г. В. К спорам о Некрасове // Новое русское слово. 1952. 11 мая.
5. Адамович Г. В. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воздушные пути. 1967. № 5. С. 99-114.
6. Адамович Г. В. «Последние новости». 1934-1935 / подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетей, 2015. 606 с.
7. Адамович Г. В. Собрание сочинений: в 18-ти т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 1. Стихи, проза, переводы. 640 с.
8. Адамович Г. В. Сомнения и надежды. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 448 с.
9. Воздушные пути: альманах / ред. Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1960. Вып. 1. 288 с.
10. Георгий Адамович: библиографический указатель работ о жизни и творчестве (1916-2010) / сост. и пред. О. А. Коростелев // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 479-586.
11. Иван Бунин: в 2-х кн. / ред. В. Р. Щербина. М.: Наука, 1973. Кн. 1. 695 с.
12. Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Согласие, 1993. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. 720 с.
13. Коростелев О. А. «Без красок и почти без слов...» (поэзия Георгия Адамовича) // Адамович Г. В. Собрание сочинений: в 18-ти т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 1. Стихи, проза, переводы. С. 12-56.
14. Коростелев О. А. «Подчиняясь не логике, но истине...» («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г. В. Собрание сочинений: в 18-ти т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2. Литературные беседы. С. 5-18.
15. Крейд В. О Г. В. Адамовиче (1892-1972) // Адамович Г. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С. 5-13.
16. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3-х т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. Стихотворения. 808 с.
17. «...Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: переписка Г. В. Адамовича с Р. Н. Гринбергом (1953-1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. С. 355-422.
18. Федякин С. Р. «На земле была одна столица...» // Адамович Г. В. Сомнения и надежды. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 5-14.
19. Фетисенко О. Л. Автобиографизм литературных рецензий Георгия Адамовича // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: концепции и поэтика: сб. ст. и материалов. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 105-110.
20. Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. 215 с.

G. V. ADAMOVICH'S MEMORIES OF A. A. AKHMATOVA IN THE CONTEXT OF HIS MEMOIRISTICS

Bezborodnikova Ekaterina Borisovna

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow
bezb.ekaterina@gmail.com

The article considers artistic peculiarities of G. V. Adamovich's memories of A. A. Akhmatova. The research material includes the memorial essay "My Meetings with Anna Akhmatova", fragments about the poetess in the essay "Gumilyov (to the 10th anniversary of his execution)" and the article "Anna Akhmatova". Special attention is paid to quotation and ecphrasis in the memories. It is found out that creating Akhmatova's image the author for the first time refers to the portraits of famous painters. The analysis indicates that Adamovich referred to pictorial art to transfer the inexpressible in the poetess's image.

Key words and phrases: G. V. Adamovich; A. A. Akhmatova; memoirs; quotation; reminiscence; ecphrasis.